

Вступление

— Сегодня — одиннадцатое марта. Запись ведет Сузукаке Танджи.

Сузукаке положил телефон, записывающий видео, на стол. Камера была направлена на него самого.

— Я продолжительное время отвечал за образование в Белой комнате.

В этот день Сузукаке решился тайком записать свое мнение касательно исследований.

— С сегодняшнего дня, однако, Белая комната на какое-то время приостанавливает свою деятельность. Что-то там с политикой, в которой я мало что понимаю. Кажется, влиятельный политик по имени Наоэ оказывает давление и пытается помешать возвращению Аянокодзи-сенсея. Что, на самом деле, доставляет проблем. Но я решил мыслить позитивно. За долгое время у меня наконец-то будет полноценный отпуск, а это весьма неплохо.

Сузукаке выключил монитор компьютера, как если бы пытался справиться с мыслями.

— Все-таки я нахожу людей интересными существами. У всех детей прослеживается способность освоения навыков, которым их не обучали. Например, умение дышать приходит само собой. Точно также дети даже в изолированной среде, пусть и немного, но ищут общения. Я замечал это с первого по четвертое поколения, поэтому с пятого в учебную программу было внесено развитие коммуникативных навыков. Разумеется, это повлекло за собой уменьшение эффективности. Взамен появлению эмоций снизились темпы развития способностей. Но ученики пятого поколения превосходят учеников с третьего, поскольку общая сложность учебной программы немного повысилась.

Наказания по-прежнему важны, тогда как эмоции должны оставаться в качестве довеска. Сузукаке не изменял этому подходу.

— Моя учебная программа предполагает десять сложностей: к пятому поколению применялась четвертая сложность, к шестому — пятая. Где-то здесь, вероятно, и пролегает предел. Из учеников седьмого поколения, к которому применялась шестая сложность, не осталось никого. При этом ученики с восьмого поколения и далее продолжают обучение — у них использована модифицированная учебная программа из удачной комбинации четвертой и пятой сложностей. Когда-нибудь эти дети станут идеальными взрослыми. И, быть может, смогут успешно влиться в мир в качестве первоклассных людей.

Тут Сузукаке на некоторое время умолк.

— Это без труда можно понять, достаточно просто прочитать файлы. Причина, почему сегодня я делаю запись, заключается в том, чтобы не оставить без внимания и не забыть страсть, что

вела меня. Через Белую комнату прошло довольно много детей, и многие уже выбыли, но тот ребенок... Аянокоджи Киётака — он все еще остается очень важным элементом. У ребенка весьма необычные способности к обучению, адаптации и применению знаний на практике. Его талант не перестает меня удивлять, причем верхняя граница возможностей до сих пор не установлена. Мои коллеги-исследователи в Белой комнате верят, что могут воспитанием получить подобных ему детей, но я бы сказал, что он исключение. Своего рода уникум даже в таком неправильном окружении. Мутация, если выражаться прямо.

Результат Бета-курса — самого сурового обучения с высочайшей сложностью в созданном им учебном плане.

— Нет... Я не знаю, можно ли назвать это результатом. Во всяком случае, его не воспроизвести. Но стоит отметить, Киётака не был совершенен с самого начала. Будь то просто учеба, каратэ или, например, бокс, первое время его успехи, я бы сказал, не бросались в глаза и были довольно средними. Расхождения проявлялись после. Его способность впитывания велика настолько, что позволяет вбирать знания в одно мгновение. А изучив основы, он со своей исключительной способностью к практическому использованию начинает осваивать применение нового опыта на том, с чем столкнулся в первый раз.

Сузукаке мог закрыть глаза, но даже так видел образ Киётаки.

— К восьмому году количество детей четвертого поколения сократилось до пяти. Всего их было семьдесят четыре, то есть показатель выбывания составил более девяноста трех процентов. С первого по третье поколения этот же показатель в среднем равен двадцати семи процентам, у пятого поколения и далее — тридцать процентов. Из этого можно сделать вывод, что Бета-курс был чрезмерно неблагоразумным. Девять с половиной лет — именно тогда у меня закрались подозрения, что абсолютно все ученики будут исключены. Вернее... Я надеялся на это. Потому что если по какой бы то ни было причине ребенок продолжит учиться по такой учебной программе, которую ни одному человеку не следует проходить... может статься, это уже будет не человек, а самый настоящий монстр. То, что существовать в принципе не должно. Словно в подтверждение моих мыслей, в начале весны учиться остался всего один. Но... здесь и кроется проблема. Оставшийся ребенок ни в десять лет, ни в одиннадцать, ни в двенадцать ни разу не продемонстрировал хотя бы намек на то, что скоро будет исключен. Более того, он стал превосходить инструкторов и нас, исследователей. Взрослые с поверхностными знаниями в полной растерянности уходили из Белой комнаты, не протянув и пары дней. Изначально обучение в проекте предполагалось до наступления совершеннолетия. Но в его случае остается еще шесть лет... столь бесконечно далеких. Этот ребенок превзойдет наши мыслимые и немыслимые границы уже в ближайшем будущем. И это не предчувствие, а убеждение. Вместе с тем я уже перестал понимать. Он — результат моей учебной программы или генетической мутации? Я не могу привести оснований, почему он продолжает учиться и не выбывает. Это сводит меня с ума.

В такой ситуации... как им в итоге следует воспринимать Киётаку и Белую комнату? Окончательное решение за Аянокоджи Ацуоми, представителем учреждения, тем не менее на данном этапе мнения исследователей кардинально разделились.

— «Возможно ли создать искусственного гения?» — на этот вопрос еще нет ответа, однако

выдающихся людей Белая комната выпускать способна, и этому есть подтверждения. Но у каждого ребенка непременно есть предел.

Сузукаке посмотрел на пустую чашку, из которой несколько минут назад закончил пить зеленый чай. Затем он отвинтил крышку у еще не вскрытой бутылки с минеральной водой, взял ее и чашку.

— Обозначим этим способности педагогов. Крышечка, если так можно выразиться, представляет собой возможности обычного педагога. Чашка, сравнительно большая относительно крышки, — возможности воспитателя Белой комнаты. Думаю, так объяснить проще. Способности обучаемых детей будут ограничены возможностями педагогов. И если обычный человек может развиваться до пределов крышечки, то в этом учреждении предел будет находиться на уровне края чашки.

Он принялся наливать в чашку минералку.

— Достигнув верха, пространства для развития не остается. Вода перельется через край, и по аналогии вбирание знаний больше не представляется возможным... Или нет, правильно ли так будет описывать процесс? С новыми знаниями старые постепенно забываются. Это происходит бессознательно.

Сузукаке смотрел, как вода переливается через край и растекается по столу, а после вздохнул.

— Но есть и другие моменты. Во-первых, людей со способностями, которых можно сопоставить с этой чашкой, не так уж много. Во-вторых, даже способный человек может не обладать умением обучать. В-третьих, не факт, что предел способностей будет доведен до края. Если взять чашку за пример, то умения конкретного человека чаще всего заполняются не полностью. Разумеется, обратное тоже случается, правда намного реже — ребенок может немного превысить возможный объем. И, наконец, самое важное. У некоторых людей в этом мире вроде тех, что называют гениями, граница определяется вовсе не чашкой. А, например, вот этой пластиковой бутылкой из-под минеральной воды или даже чем-то большим. Только вряд ли найдется человек с такими способностями и умением обучать. А если и найдется, то предел обучаемых им детей, скорее всего, все равно будет определяться чашкой.

Собранные на текущий день данные исследований это подтверждают.

— Будь то кропотливое обучение, на протяжении которого о ребенке заботятся, или, напротив, суровое — в любом случае существует предел, выше которого дети прыгнуть не могут.

Согласно плану, Белая комната должна делать из заурядных людей гениев, способных конкурировать на мировой арене.

— Целенаправленно создавать тех, кто войдет в топ десять процентов людей мира, вполне возможно. В этом плане Белая комната является механизмом, благодаря которому можно

добиться стабильных результатов. Однако получить людей из одной сотой процента лучших, скорее всего, нереально.

Неподдельное чувство поражения исследователя. Вот что ощущал Сузукаке при взгляде на Аянокоджи Киётаку.

— В настоящее время я не вижу предела способностей этого ребенка. Он впитывает знания, если давать их. Его можно назвать как гением от рождения, так и результатом образования, данного в Белой комнате, — я считаю, что оба заключения правильны и одновременно неправильны. Если Киётака не воспитывался бы в Белой комнате, скорее всего, он все равно стал бы по-своему выдающимся человеком, но не более. Одно дополняет другое, и без любого элемента он — такой, какой есть сейчас — не появился бы на свет. Продолжи Киётака обучение в Белой комнате, и он несомненно станет очень ценным ресурсом для значительного повышения пределов для детей будущих поколений. Ведь если он займет мое место и начнет преподавать, «чашка» увеличится до «пластиковой бутылки», правильно?.. Хочется во что бы то ни стало взглянуть на процесс.

Ангел и демон нашептывали ему вопросы.

«Что получится, если вместо малозначимого преподавания в Белой комнате отправить его в мир в качестве лидера Японии? Какой из выборов окажется значимым для страны и будущего?

Окончательное решение принимать не мне, но что же выберет Аянокоджи-сенсей?»

— Я намерен посмотреть на все своими глазами. И до конца жизни участвовать в образовании в Белой комнате, какой бы в итоге выбор ни был сделан.

Ни к чему другому Сузукаке не питал такого интереса. Сейчас его переполняло чувство удовлетворенности достигнутым, отличающееся от того, что он испытывал, когда сбегал за границу.

— И все же... каким бы способным он ни был, можно ли назвать Аянокоджи Киётаку истинным гением — вопрос остается открытым. В эмоциональном плане он сильно уступает обычным людям, и также ему неведомы обыденные вещи. Если научить его этому, то, скорее всего, он запомнит, но какие негативные последствия могут быть — неизвестно. Он несовершенен.

Продолжая говорить, Сузукаке потянулся к телефону и в конце приостановил запись.

— Будет ли порожденный мною ребенок... счастлив в свои последние мгновения?..

Ему очень не хотелось оставлять в записи эти слова, неподобающие исследователю.

(от лица Ацуоми)

Наступил сезон цветения сакуры. Я оставил Сайтаму и вернулся в Токио, где не был уже несколько месяцев. Подъехал прямо к своему офису, куда давно не заходил, а не в дом в районе Мэгуро, в котором обжился несколько лет назад.

— Сколько же прошло с тех пор, как я был тут в последний раз...

Из окна я обвел взглядом здание: оно было в весьма скверном состоянии, так что ничего удивительного, если бы его скоро снесли. Затем дал указание водителю. Когда машина припарковалась у обочины и включилась аварийка, я вышел.

Я довольно давно отдалился от мира политики, но мое возвращение становится все ближе.

Наоэ, остававшемуся серым кардиналом Киджимы, было за восемьдесят, в какой-то момент он слег из-за серьезной болезни. И хотя официально он якобы снова находится в политических кругах, его состояние весьма плачевное.

Подтверждение тому — настойчивое оказание давления со стороны Наоэ на тайных сторонников для саботажа работы Белой комнаты. Он решил, что нужно устранить меня прежде, чем уйдет в мир иной.

Конечно, вынужденный перерыв на проекте был сильным ударом по нам, но, с другой стороны, это может дать время на основательную подготовку контратаки.

— А еще ты стареешь, Наоэ.

Совсем скоро я снова вступлю в битву в политических кругах. Я это предчувствовал, предвкушал...

Ко мне, словно спеша пожелать удачи, вышел Камогава. В последний раз мы виделись в тот день в рётэе, когда у нас состоялся разговор с Наоэ.

— Много же времени прошло, Аянокоджи-сенсей. Мне даже в голову не приходило, что вы можете заехать за мной.

— Пустяки, просто мимо проезжал. У тебя тут как, все схвачено?

Мы держали связь по телефону, однако в последние годы было мало возможностей увидеться друг с другом лицом к лицу — даже меньше, чем в случае с Сакаянаги. Ведь неосторожные действия приведут к тому, что мы попадем в поле зрения сети информаторов Наоэ.

— К счастью, весьма неплохо. Как вы поживаете, сенсей?

— Это тебя повторно избрали, а значит сенсей из нас теперь ты.

На мои полусутольные слова Камогава ответил с крайне серьезным выражением лица:

— Да, Аянокоджи-сенсей, вы сейчас не политик. Но вы привлекли на свою сторону многих состоятельных людей, к тому же руководите Белой комнатой — образовательным учреждением для «своих». Слухи все не затихают.

Это так, я упрямо продолжаю выживать даже в самые трудные времена.

Несмотря на изгнание из политики, сейчас я, используя Белую комнату за отправной пункт, собираю вокруг себя множество финансистов и собственными средствами прокладываю себе путь, который раньше даже представить себе не мог.

Я перестал быть политиком, но теперь все больше людей называют меня сенсеем.

— Слышал, ваш сын в Белой комнате, под стать вам, показывает весьма выдающиеся результаты.

— Иронично, да? Слишком перестарались и вот, на нас обратили внимание и даже временно прикрыли.

Камогава натянуто улыбнулся, но его взгляд остался прежним. Все-таки нет, он, похоже, вырос над собой, причем немало.

— Наверное, вы уже сами выяснили. Наоэ-сенсей тянет за веревочки за кулисами. Я не думаю, что он позволит полностью раскрыть общественности Белую комнату, поскольку сам от этого сгорит, но, судя по всему, в ход пошли всевозможные методы по стиранию проекта.

— Вероятно, он уже давно бы разобрался с нами, если бы только идея изначально была не его. В этом плане они тоже столкнулись с трудностями. Что намерены делать дальше?

— Пока не знаю. Мне удалось каким-то образом остаться во фракции Наоэ-сенсея, но поскольку я работал с вами, Аянокоджи-сенсей, мне не очень-то доверяют.

Даже если вопреки всему он попытается что-то разнюхать, через оборонную сеть Наоэ ему пройти будет трудно. Важно, чтобы он оставался нераскрытым.

— Однако... в последнее время ему, кажется, очень сильно нездоровится, — неразборчиво

произнес Камогава через кашель.

— Расстраивает, что не могу похоронить его своими руками. Но лучше будет, если просто дадим ему зачахнуть.

Этот человек в мире политики, Наоэ, является оппонентом, который не показал ни единой слабости. И в силу его возраста уже скоро нужный момент подвернется.

— Не сомневаюсь, ваше возвращение уже не за горами, Аянокодзи-сенсей.

— Ага. Правда, с исчезновением этого типа взобраться на вершину будет все так же непросто. Скорее, даже сложнее, чем раньше.

— Согласен. Наоэ-сенсей, я считаю, был одним из самых влиятельных людей в политике. Однако в таком случае разве премьер Киджима, который успешно удерживал такого человека под своим контролем, стоит не выше?

Если Киджима продолжит в том же духе, недалек тот день, когда он превзойдет рекорд самого продолжительного пребывания в должности. А ведь ему немногим больше шестидесяти. В худшем случае он продержится еще десять, а то и двадцать лет.

А я хоть и молод, но тоже старею.

— Вероятно, настолько благоприятной возможности больше не представится.

— Именно поэтому я полагаю, нужно выбрать правильный момент для атаки, — произнес Камогава.

Временная приостановка Белой комнаты.

Остается неясным, как долго это продлится: полгода, а может пять лет? Самая большая проблема здесь в том, что проект может быть предан огласке. Хотя неплохо, наверное, что Наоэ тоже об этом подумал. Они явно замышляют во что бы то ни стало предать нас забвению.

Подъехала подготовленная машина, заднюю дверь которой открыл Табучи. Камогава не спеша забрался на пассажирское место спереди.

— Табучи, все готово?

— Как и было запланировано, дети будут временно помещены в приобретенный приют, там за ними присмотрят.

— Ясно.

— Вы уверены... насчет вашего сына?

— Я не намерен относиться к нему по-особенному только из-за того, что он мой ребенок. Но, по крайней мере, сейчас его можно назвать шедевром Белой комнаты, а значит, он определенно имеет полное на то «право». Причем таким, что я даже начал сомневаться. Это что-то да значит.

Мы подъехали к месту назначения, где было решено дожидаться Киётаку, когда тот выйдет из клиники.

— Это ведь консультационный центр... С Киётакой-куном что-то случилось?

— Нет. Его привели сюда, потому что кое-кто очень сильно хотел встретиться с ним. А просьба пришла от человека, который оказал весьма солидную финансовую поддержку, поэтому выбора особо не было.

— Встретиться?

— Да так, одна бессмысленная затея. Тот человек думает, это поможет затянуть рану, но даже не понимает, что станет еще хуже.

К нам присоединился Ишида, первый вышедший из клиники.

— Камогава, как давно ты не видел Киётаку?

— Дайте-ка подумать... Пять или, может, шесть лет прошло уже с тех пор, как я виделся с вашим сыном. Знаете, я с нетерпением жду возможности посмотреть, как он вырос.

— С нетерпением?... — Ишида, только занявший место в машине, с подозрением посмотрел на Камогаву.

— Э, а что такого? Я сказал что-то странное?

— То монстр. «С нетерпением» ждать встречи с ним уж точно не стоит.

— Монстр... Вообще-то он сын сенсея, можно было бы и выбирать слова получше...

— Меня не волнует, как он его называет. Ишида — один из тех, кто наблюдал за Киётакой с самого его рождения.

Ему разрешалось выражаться как угодно. У него даже больше на это прав, чем у меня, связанного кровным родством.

Совершенство Киётаки невообразимо уже в столь юном возрасте, в котором ребенок, как правило, должен только перейти на третий год обучения средней школы. И вместе с тем ему многого недостает.

Вот, в том числе, почему Ишида назвал его монстром.

В ответ на несдержанные слова Ишиды Камогава нахмурился и повернулся к окну.

Часть 2

(от лица Киётаки)

Я прожил в Белой комнате более четырнадцати лет. Теперь я в том возрасте, в котором в так называемом обществе обычно заканчивают второй год обучения средней школы.

Внешний мир, реальный, отличался от виртуального. Тем не менее я принял его гораздо легче, чем мог себе представить — не было никакого ощущения неправильности происходящего. Неясно правда, влияние ли это учебной программы или другого фактора.

Я, согласно указаниям исследователя Ишиды, спокойно ждал в безлюдном помещении, когда меня окликнул один человек:

— Прости, что заставил ждать, Аянокоджи Киётака-кун. И спасибо, что сегодня пришел.

— Кто вы?

Я раньше ни разу не видел его. Это был мужчина, возраст где-то за сорок. Судя по мягким чертам лица, не думаю, что он имеет отношение к Белой комнате.

Но мое внимание привлекла скорее ваза с цветами, которую он нес в руке. Я впервые смотрел на то, что раньше изучал по изображениям и текстам.

— Один ребенок очень сильно хочет встретиться с тобой. И с этой большой просьбой я обратился к Аянокоджи-сенсею.

— Я не могу понять, о чем вы говорите.

— В двух словах, ребенок очень слаб здоровьем и не может нормально выйти на улицу.

Успокаивается только дома и здесь, в этой клинике. Вот почему я попросил, чтобы ты пришел сюда.

— У вас в руках... сакура?

— Эта ваза стояла здесь, а я вышел, чтобы поменять воду. Ее любимый цветок, между прочим. Она скоро должна вернуться с приема врача, — сказал он, и потом поставил вазу на полку возле окна.

— Киётака!..

Я продолжил ждать, не до конца понимая ситуации, и вскоре дверь в помещение открылась: кто-то прокричал мое имя.

Это оказалась девушка, кажется, одного со мной возраста. Она глядела на меня с широко раскрытыми глазами.

— Я так хотела встретиться с тобой, все это время... все это время хотела!

— А ты...

— Юки я, Юки!

Юки. Помню это имя. Была ученицей Белой комнаты, но в итоге выбыла и довольно давно. Вспоминать забытое — вполне нормально, ведь воспоминания не могут быть стерты целенаправленно.

— Почему ты здесь?

Допустим, она не умерла по-настоящему, но все равно встретила свой конец, когда выбыла. Находиться вот так, лицом к лицу, с покойником. Было ощущение неправильности происходящего, но также я задавался вопросом, какова цель этого воссоединения?

— Юки, моя дочь, была слаба с тех пор, как покинула Бе... то место, в котором находился и ты. У нее наблюдалась депрессия. Она не может спокойно выйти на улицу, но только продолжала беспокоиться за тебя.

Говоривший, судя по всему, отец Юки, держался на некотором расстоянии. Хотя улыбка и отличалась от той, что я видел в детстве, но по ней уже угадывалась богатая палитра эмоций.

— Столько времени прошло. Киётака, сколько ты пробыл... в том месте?

Ее глаза испуганно содрогнулись от воспоминания о прошлом. По реакциям Юки и ее отца прослеживалось нежелание упоминать название «Белая комната».

— Четырнадцать лет. Сегодня я впервые вышел.

— Ну да, ты и правда удивительный... А что насчет других детей? Все в итоге вышли?

— Не уверен. Остальных довольно скоро не стало. Я уже как несколько лет нахожусь там один. Не знаю, что с другими.

Меня никогда не интересовали выбывшие, в том числе ребенок передо мной.

— Один... все это время в том месте?.. Я... я, в т-том месте!..

Судя по всему, подавляемый ужас дал о себе знать: Юки задрожала всем телом.

— Юки, все хорошо, не вспоминай.

Она так подавлена из-за того, что копается в воспоминаниях? Все ли выбывшие пребывают в столь жалком состоянии?

Единственное, какой вывод я сделал, это то, что она, должно быть, ребенок из известной в финансовом мире семьи. Мне стало ясно, что после выбывания с ней обращались очень доброжелательно. Но поскольку эмоциональные раны не заживали, было решено обратиться за консультацией. И один из вариантов исцеления состоял в том, чтобы... встретиться со мной, таким же учеником четвертого поколения?

Придя к такому заключению, я понял, что больше мне нет смысла оставаться в этом месте.

— Я пойду.

— П-постой! Я н-наконец-то встретила тебя! Хочу... хочу еще поговорить с тобой!

— Мне не о чем с тобой говорить.

Перво-наперво, если нельзя упоминать Белую комнату, то у меня тем более не найдется тем для разговора.

— Подожди немного, Аянокоджи-кун. Можешь, пожалуйста, поговорить с Юки? О чем угодно. О чем-то глупом, банальном...

— О каких, в вашем понимании, банальностях я могу поговорить? Вы осознаете, что сегодня я впервые вышел во внешний мир?

— Ну...

— Разумеется, если вас это устроит, разговор будет целиком и полностью состоять из лжи и фальши. Также я могу попробовать вымученный разговор, пока мои знания, будь то о загранице или нашей стране, это позволяют. Но вы не этого ожидаете, я прав?

— Я н-не возражаю. Д-даже не против разговора о Белой комнате, так что...

Задыхаясь, Юки схватила за рукав моей одежды, чтобы остановить.

— Лучше оставить эту затею. Разговор со мной — уже слишком для тебя.

— Н... не правда!.. Я ведь всегда хотела встретиться с тобой... Киётака...

— Перестань держаться за это чувство. Иначе будешь только страдать от этой разницы между воспоминаниями и идеалом. Если хочешь исцелиться душой, просто продолжай лечиться в этом месте.

Пора и правда закругляться. Лучше посмотреть то, что происходит снаружи, чем тратить свое время здесь. По крайней мере во внешнем мире есть возможность удовлетворить любопытство.

— Очень прошу тебя. Задержись еще всего на чуть-чуть... — Отец Юки вытянул руку, словно намереваясь остановить меня.

— Мне понимать это как указания?

— Нет... я...

— Значит не указания? Просто представитель Белой комнаты не давал мне конкретных инструкций.

— Да. У меня с Аянокоджи-сенсеем было соглашение позволить Юки встретиться с тобой. Это моя личная просьба.

— В таком случае я отказываюсь.

— Чт?!.

— Я сделал вывод, что так лучше для нее же.

— Тебе что, совсем безразличен выбывший ребенок?!

Очень точное попадание. Мне безразличен выбывший ребенок.

Но опять же, просьба этого человека позвать меня, как один из вариантов лечения, была плохим решением.

— Прошу меня простить, я пойду.

— Нет! Не уходи, Киётака!

— С тех пор как ты выбыла, мало что изменилось.

— !..

— Лучше будь признательной за хорошую семью и сосредоточься на своем оздоровлении. Иначе, чем больше будешь ожидать от меня, тем сильнее разочаруешься.

— Не хочу! Я... я хочу говорить с тобой, Киётака! О всех тех вещах, о которых не могла говорить тогда!

Психологическое состояние Юки, ребяческие реакции и манера речи — она все та же, что и несколько лет назад.

— Подожди! Пожалуйста!

— Можете отойти?

— Юки... Понимаешь, она не только со мной не говорит, но даже с матерью и младшей сестрой. Ничьи слова не могут до нее достучаться. Но она говорит с тобой... и это может спасти ее!..

— Прощай. Будет лучше, если мы больше не встретимся. Ну а теперь прошу меня простить.

— Не-ет! Нет! Киётака! Не-е-е-ет!!!

Крик и плач девушки, слова неодобрения взрослого, кто не может этого вынести. Ничто из них

меня не зацепило. Мне было неинтересно.

Выйдя из больницы, я двинулся в сторону припаркованной неподалеку машины. Из окна со стороны пассажира вдруг кто-то начал махать рукой.

— Э-эй, Киётака-кун. Ну что, будем знакомы, да? Меня зовут Камогава...

Я видел его когда-то. Вспомнив, я тем не менее ничего не сказал в ответ, а просто сел на свободное место сзади.

— Ерунда, ха-ха... Забыл меня, наверное? — натянуто улыбнулся он, неловко почесав затылок. Затем обратился к тому, кто был спереди: — Можешь ехать.

— Конечно.

В машине воцарилось молчание, и я один повернулся к окну, чтобы посмотреть на проносящиеся сцены снаружи.

— Как тебе первый опыт во внешнем мире?

— Ничего особенного.

Без любопытства не обошлось. Но никакие другие эмоции внутри меня не возникли.

— Ничего, говоришь?

Этот человек, мой отец, вероятно, думает: «Он смотрит в окно, но не проявляет никаких эмоций. Наверное, не видит различий между виртуальным миром и реальным».

Но это огромное заблуждение. Намного удобнее создать впечатление, будто все находится под его контролем. По крайней мере сейчас мне это выгодно.

Мне не нужно, чтобы этот человек заметил, что я без продыху оттачиваю клыки.

— Какое-то время ты будешь учиться по учебному плану Белой комнаты под моим присмотром. Как только учреждение откроется, ты вернешься туда.

— Понял.

Как бы ни менялось мое окружение, с моими навыками, полученными в Белой комнате, ничто мне не помешает.

Часть 3

— Досадно выходит, во всех смыслах.

Когда мы подъехали к особняку, я велел проводить Киётаку внутрь, сам же остался наедине с Камогавой.

— Простите?..

— Досадно, что получили только одного совершенного человека. Если должным образом следовать стратегии, нужно, чтобы он посвятил всю жизнь воспитанию кадров в Белой комнате, превзойдя результаты Сузукаке. Таким образом появляется возможность в будущем получить нескольких людей, близких по способностям к Киётаке.

— Мы так и планировали изначально, правильно? Что-то не так?

— Мое возвращение в мир политики с каждым днем становится все реальнее. И вот почему я колеблюсь.

— Вы же не хотите сказать...

— И вот тут я впервые задумался, насколько неудобно возрастное ограничение на вход в этот мир.

— Вы хотите сделать его... Киётаку-куна политиком?..

— Изначально стратегия Белой комнаты предполагает неразрывную связь со следующим поколением через педагогов. Этот проект критически важен для Японии, чтобы страна через пятьдесят-сто лет заняла лидерство в мире. Это осталось для меня неизменным.

Однако...

— Но если я хочу подняться на вершину политической арены, мне нужен сильный союзник. Самое раннее, когда Киётака может стать членом парламента, — в двадцать пять лет, получив пассивное избирательное право. Мне тогда будет уже шестьдесят один. Время-то поджимает.

— Но как политик... он будет как раз в том возрасте, когда только начинаешь накапливать опыт и процветать.

Разумеется, просто став членом парламента, Киётака не сможет сразу выйти на сцену. Однако в теории с двадцати пяти лет его могут избрать премьер-министром. С его потенциалом он может сыграть роль важнее, чем все эти парламентарии.

— И что вы собираетесь делать?..

— Пока не знаю. Если мы с Киётакой будем задавать тон в мире политики, то сможем значительно изменить Японию, причем на это не уйдет сильно много времени, вроде пятидесяти или ста лет. Однако образование Белой комнаты неизбежно уйдет на второй план. Вот почему у меня трудности с принятием решения.

Очень некстати тот факт, что он мой сын. Если он придет в мир политики, в глазах масс это будет восприниматься как желание передать власть второму поколению.

А это весьма существенный недостаток. Однако я задаюсь вопросом, возможно ли как-то воспользоваться им.

Есть еще один серьезный повод для беспокойства — полное отсутствие у него эмоций. Необходимо стремиться исправить этот момент.

— В любом случае, я думаю, Киётака-кун послушается. Мне бы хотелось возложить на него огромные надежды.

Послушается ли? Я даже не могу просчитать, в какой степени контролирую Киётаку.

Умом он уже значительно превосходит нас. Может, ему и недостает эмоциональности, но своей рассудительностью он, наверное, опередит нас на два-три шага. С другой стороны, из-за слабого понимания мира он во многих аспектах наивен. По крайней мере еще не достиг того, чтобы проявлять настороженность к моим намерениям.

На данном этапе нужно заранее подготовиться к изменениям в планах. Ведь желание встать во главе страны остается все таким же твердым и непоколебимым.

— Я прошу тебя еще немного задержаться на сегодня, Камогава.

По какому бы пути мы ни пошли, нужно начинать постепенно формировать личность.

— Я совсем не против, но... можете сказать, для чего?

Тут в окно машины легонько постучали, и на пустое водительское сиденье спокойно забрался Цукиширо.

У этого человека не только есть связи в правящей и оппозиционной партиях, но и в деловом мире. Из-за его позиции примыкать к победителю есть некоторые риски, связанные с тем, что ему нельзя доверять. Но даже сейчас, когда прошли года, он все еще хорош в своем деле.

— Смотрю, у вас все хорошо, Аянокоджи-сан. Еще и, кажется, сблизился с членами из партии Мира в последнее время.

— Это подождет. Ты сделал то, о чем я просил?

— Все формальности улажены. Подлинность персональной информации проверять не станут, то есть проблем возникнуть не должно.

— Хорошо. Есть еще одно дело, в котором я хочу попросить тебя поучаствовать в ближайшем будущем.

Я рассказал о планах Цукиширо и Камогаве.

Камогава удивлялся после каждого слова, Цукиширо же внимательно дослушал до конца с неизменной улыбкой на лице.

— Звучит интересно. «С радостью возьмусь за работу» — хотелось бы мне так сказать, но годы не щадят меня. Возможно, у меня получится не так хорошо, как во времена моей молодости, — скромно заметил Цукиширо.

Но этот человек в принципе не возьмется за дело, с которым точно не справится.

— Ты для такой работы подходишь лучше всего. Хочется посмотреть, как далеко он зайдет.

— Ну раз вы мне так доверяете. Я согласен. Как только придет время для реализации плана, я помогу. К тому моменту, скорее всего, нужно будет подготовить недостающие элементы.

Затем я дал указание ехать, и Цукиширо завел машину.

При нем, кому не могу полностью довериться, я упомянул только о будущем Киётаки. Но это не единственная моя цель. Еще мне нужно завладеть рычагами давления на врагов, которых рано или поздно уничтожу, — Киджиму и «КоЙку».

Через год Аянокоджи Киётака поступит* в старшую школу Кодо Икусей.

[П/Р: В оригинале в этом месте используется выражение ~□□□□□, которое означает, что некое действие («поступит» в нашем случае) совершится не по воле говорящего/не по решению деятеля, но конструкция не подразумевает конкретизацию, по чей конкретно воле/решению. И нюанс в том, что используют выражение в предложениях, которые можно понимать и так, и так. Например: «Было решено, что мужчина и женщина поженились» (реальный пример, найденный на просторах интернета). Этот брак может быть как в силу обстоятельств, так и по любви.]

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/2789786>